

Лора Флоранд

A decorative, ornate frame with a scalloped, scroll-like border, containing the title text.

Француженки не терпят
КОНКУРЕНТОВ

Лора Флоранд

Француженки не терпят
КОНКУРЕНТОВ

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф 73

Laura Florand
CHOCOLATE KISS

Copyright © 2013 Laura Florand

Перевод с английского М. Юркан

Художественное оформление Е. Ененко

Флоранд, Лора.

Ф 73 Француженки не терпят конкурентов / Лора Флоранд ; [пер. с англ. М. Юркан]. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Женские слабости. Романы Л. Флоранд).

ISBN 978-5-699-76410-5

В кафе-кондитерской Магали Шодрон каждая посетительница, будь то простая горожанка или почтенная мадам, чувствует себя сказочной принцессой. Да и на кухне Магали происходят настоящие чудеса: под ее чутким руководством за минуты вырастают шоколадные избушки и птицы из мастики. Когда на той же улице открывается одна из всемирно известных кондитерских Филиппа Лионне, Магали понимает, что чудеса происходят не только на ее кухне. Знаменитый кондитер за считанные дни переманивает почти всех ее клиентов. Мадемуазель Шодрон нужно придумать нечто по-настоящему грандиозное, чтобы вновь зарекомендовать себя не только перед посетителями, но и перед самим Филиппом.

А что ждет от нее мсье Лионне?..

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© Юркан М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-76410-5

*Посвящается Миа.
Пусть жизнь твоя будет полна волшебства.*

Глава 1

ДЕНЬ ВЫДАЛСЯ как нельзя более подходящим для принцесс. Дождь прогнал их с улиц, правда, это был легкий отвлекающий дождик... Но, рассыпая холодные стрелы-капли, он возвещал о близкой зиме, и обитатели замков с опасением ожидали долгой поры сквозняков.

А Магали Шодрон, хлопоча в самом сердце теплой кондитерской, в ее голубой кухне, упоенно, в полном довольстве собой, перемешивала шоколад, радуясь, что ей не надо блуждать по мокрым улицам в поисках крова.

Тетушка Эша, заваривая чай, взглянула на нее со своей обычной спокойной улыбкой, длинная черная коса гипнотически покачивалась на фоне золотисто-коричневого шелка туники ее шальвар-камиз¹.

Иное дело — тетушка Женестьева. Вооружившись огромным зонтом, она в этот час отправилась на прогулку — ей непременно надо было всем доказать, что дождь ничуть не ограничивает ее жизнь, вне зависимости от того, как он влияет на жизненные планы всех окружающих. Демонстрация

¹ Традиционный наряд индийских женщин, состоящий из шаровар и удлиненной туники с разрезами снизу до талии, обычно дополняемый дуплатой — большим платком или широким шарфом. — *Здесь и далее прим. перев.*

независимости неизменно способствовала ее хорошему настроению, поскольку, если только тетушка Женестьева вдруг чувствовала какие-то ограничения, их кухня съеживалась до размера булавочной головки, а прочие ее обитатели не обладали в достаточной мере ангельскими характерами, чтобы дружно плясать на ней.

Первой принцессой, заглянувшей сегодня в этот крошечный *salon de thé*¹ на острове Сен-Луи², стала деловая — по виду — особа с прямыми темно-русыми волосами, она устроилась за столиком под полкой со шляпами — сказочными шляпами с островерхими колпачками. Шляп было столько, что полок потребовалось не одна, так что, если говорить точнее, диковинные головные уборы заполняли собой целый шаткий деревянный стеллаж, который тянулся вверх по стенам помещения. Принцесса уселась так, что прямо над ее головой красовался шутовской колпак, рядом с ним поблескивала стопка из нескольких черных бумажных корон, расписанных золотом, эти короны хранились здесь с праздничного новогоднего вечера двухтысячного года. Особое место на стеллаже занимала шляпа под названием «Эйфелева башня» — ее прислал однажды по почте благодарный клиент, в пояснительной записке признавшийся: «Увидев вашу коллекцию, я не смог удержаться и дерзнул предложить вам еще один экспонат. Вы просто волшебницы! Если бы вы могли вообразить, какое удовольствие вы мне доставили!»

— Благодарю, — сказала темно-русая особа сидевшему напротив нее мужчине в деловом костюме, когда Магали вынесла поднос для другой посетительницы — мадам Фернан, чья пуделиха, с редким спокойствием устроившись возле ног элегантной хозяйки, подлизывала с полу крошки. Перед уходом Женестьева, заметив приближение к кафе мадам Фернан, быстрым движением успела швырнуть щедрую горсть

¹ Кафе-кондитерская (фр.).

² Остров Святого Людовика, соседствующий с островом Сите в центре Парижа; получил свое название в 1726 году в честь канонизированного короля Людовика IX.

крошек под этот столик. Вот уже много десятилетий подряд эта восьмидесятилетняя знатная дама повсюду таскает с собой собачек, с тех давних пор, когда она еще могла похвастать физическими доказательствами собственной царственной красоты и дрессировала своих питомиц, прививая им строгие правила поведения.

— Восхитительное местечко, — одобрительно кивнула особа с темно-русыми волосами. — Какая чудесная атмосфера!

Она говорила с сильным американским акцентом, но по-французски.

— Я был почти уверен, что это место тебе понравится, — с улыбкой ответил особе мужчина.

По возрасту он мог бы быть ей отцом, на руке его поблескивало массивное и, надо полагать, увесистое обручальное кольцо. Интересно, подумала Магали, зачем он таскает на пальце такую тяжесть?

— Душа отдыхает от суеты — всех этих нескончаемых совещаний и спешки, верно? Хотя, я боюсь, Кэйд, что твой шоколад не найдет здесь себе почитателей...

— Во Франции вообще не жалуют наш шоколад, — с унылым вздохом заметила Кэйд. — В том-то и сложность. Но здесь... — Она вздохнула, закинула руку за голову, потерла шею и улыбнулась. — Если мне когда-нибудь и взбредет в голову основать новое завлекательное зрелищное заведение, то это будет нечто подобное.

Новое зрелищное заведение? В этой исполненной вековой стабильности мировой столице? Хмм... Обслуживая мадам Фернан, Магали бросила на особу по имени Кэйд холодный настороженный взгляд. На деревянном, покрытом глазурью подносе в ее руках уместились крепко заваренный тетушкой Эшей чай в красивом чугунном чайничке, тонкая старинная чашка с цветочным рисунком и крошечной шербинкой на донце и кусок розового пирога с фруктово-ореховой начинкой — один из вкладов Магали в книгу рецептов кондитерской, такой рецепт перешел к ней по наследству от бабушки, матери ее отца, но на украшение в виде розочки ее однажды вдохновили духи мадам Фернан.

— Образно говоря, — добавила мечтающая о развлекательном будущем деловая особа.

Оценивая про себя эту молодую персону, Магали испытывала чувство, похожее на изумление, ведь они величали большинство своих клиенток принцессами, подразумевая под ними женщин, которые обременены лишь туманными, неясными им самим проблемами. Но эта клиентка производила впечатление исходящей от нее уверенной силы.

— Ты можешь себе представить? Шоколад они готовят вручную, без помощи нашего мощного оборудования... И какой шоколад! Сплошная тайна и магия! Ты превращаешься в волшебника, чародея. Что уж тут удивляться — эта кондитерская и впрямь не просто маленькое кафе, а «Волшебная избушка», не случайно они так назвали ее. Как, должно быть, это чудесно — целый день околдовывать всех приходящих чарами, просто сводить их с ума!

Бизнесмен пристально взглянул на собеседницу. А она — Кэйд, — заметив его взгляд, расправила плечи и печально улыбнулась, ее мечты опять спрятались в тайниках души, и на лицо вернулась профессиональная маска самоуверенного спокойствия.

Магали сердито отвернулась. Какой прок в самоуверенности, если пытаешься уверенно обмануть самого себя? Зайдя в кухню, она метнула взгляд на ковшик с горячим шоколадом, и — при всем ее понимании того, как глупо воображать, что какая-то магия может подействовать на людей, вне зависимости от того, что там себе понапридумали об их кондитерском колдовстве ее милые тетушки, — ей вдруг захотелось подмешать этой незнакомке духовной смелости, и, трижды промешав ложкой напиток в кастрюльке, она мысленно с чувством произнесла: «Желаю тебе бесстрашно осознать свою собственную свободу».

Потом она взбила отдельную порцию для бизнесмена, понимая, что «осознание собственной свободы» во время беседы с красоткой, годящейся ему в дочери, меньше всего могло бы понадобиться человеку с таким внушительным обручальным кольцом.

— Отнеси-ка ей и вот это питьё!

И тетушка Эша, когда Магали опять приготовилась выйти из кухни в салон, поставила ей на поднос чайничек со свежей заваркой. Аромат этого чая был более пряным, по сравнению с розово-лавандовым запахом настоя, налитого для мадам Фернан, более оригинальным и резким.

— Не все орешки так легко расколоть. Над некоторыми приходится потрудиться, — мягко прибавила Эша.

Глаза деловой особы с темно-русыми волосами, едва она вдохнула летучие ароматы принесенного ей чая и шоколада, приобрели вдруг поразительную яркость. Она дотронулась до чашки с шоколадом — ей подали фаянсовую пиалу охряного цвета с черной росписью в африканском стиле — и провела пальцем по ободку.

Внезапно серебряный колокольчик над входной дверью издал какой-то особенно мелодичный трезвон. Возможно, дождь пробудил в нем певучее настроение, подумала Магали, бросив удивленный взгляд вверх. Звон возвестил о появлении двух новых гостей, по всей видимости, матери с дочерью, причем гибкая стройность последней наводила на мысль о ее живой подвижной натуре — возможно, она поклонница танцев? Подобно танцовщицам на репетициях, она небрежно скрепила на затылке золотистые волосы заколкой-«крабом». Ее мать, крупная дородная матрона с макияжем, способным подавить любой страх несовершенства, щеголяла профессионально уложенной старомодной прической, типичной для матерей, давно решивших всецело посвятить свою жизнь дочери.

— О, милочка, ты только взгляни, — прошебетала она по-американски. — Видела ли ты когда-нибудь такое пикантное заведение?

Магали подумала, что ей следует приготовить для этой пикантной особы шоколад, способный пробудить правильное эстетическое восприятие. Что за глупости она говорит?! Их заведение вовсе не назовешь пикантным.

— Представляешь, как тебе повезло, что перед тобой открыты все экзотические уголки мира?

Ее дочь, согнув руки, разминала уставшие мышцы. В ответ она лишь вяло хмыкнула. Вид у нее был утомленный. Но

ее взгляд, скользя по кондитерской, постепенно загорался интересом и голодным блеском. Именно такой взгляд Магали видела бесчисленное множество раз за те три года, что она проработала в этой кондитерской после окончания курса обучения в университете.

— Я не возражала бы видеть их как можно в большем количестве, мама.

— Ну, мы и увидим. Ты не забыла? Не далее как в следующем месяце, милочка, у тебя гастроли в Новой Зеландии и Австралии. С заездом в Гонолулу! Может быть, нам стоило еще заключить контракт с Японией? Мы вполне могли бы успеть завернуть туда на обратном пути. Как тебе такая идея? По-моему, мы не выступали там с тех самых пор, когда тебе было шестнадцать!

— Да-да, я еще училась тогда в Джульярдской школе¹, и наша группа там давала концерт, — напомнила дочь.

— Ах да, верно. Как раз твоему отцу делали операцию, а то я непременно поехала бы с тобой.

Войдя в крошечный аванзал, обе женщины проскользнули на стулья за столик, притулившийся между пианино и застекленным стендом с выставочной композицией: в окружении зловещего леса могучих, грубо высеченных шоколадных деревьев притаилась избушка из черного шоколада, и саму избушку так изобильно и соблазнительно увивали лианы из засахаренных лепестков фиалок, листьев мяты и апельсиновых цукатов, что у каждого посетителя независимо от пола и возраста невольно возникало почти непреодолимое желание отломить и попробовать какой-нибудь дразнящий вкусовые рецепторы кусочек. Дочь заинтересованно созерцала все эти лакомства, сложив руки и продолжая массировать их кончиками пальцев.

«Если бы эти принцессы стали поменьше слушать своих родителей, это им пошло бы только на пользу», — подавляя

¹ Джульярдская высшая школа музыки, основанная в Нью-Йорке в 1924 году на средства мецената Огастаса Джульярда и со временем преобразованная в своеобразную академию искусств, где классическое консерваторское образование дополнили отделения танца, драмы и джазовых музыкантов.

в себе раздражение, подумала Магали и, вернувшись на кухню, в сердцах принялась энергично помешивать шоколад, мысленно приговаривая: «Желаю, чтобы ты взяла свою жизнь в свои руки!»

Тетушка Эша понесла посетителям очередной поднос, и, едва она вышла из кухни, серебряный колокольчик над входной дверью опять затренькал, и его пронзительный серебристый звон отозвался у Магали в самом сердце. Она порывисто прикрыла ладонями уши, пытаясь заглушить громкость звуков, и черпачок, упав на стол, забрызгал его шоколадом.

Но мелодия продолжала вибрировать в ней. Тогда она топнула пару раз ногой и шлепнула вдобавок ладонью по столешнице, заставив внутренний звон стихнуть.

Голос неизвестного, негромкий, но пылкостью заполнивший всю кондитерскую, вдруг словно окутал Магали бархатным покрывалом, заставив ее ощутить внезапный протест против взметнувшегося в ней трепетного восторга.

— Какое удивительное местечко, — со смехом произнес замечательный голос. Адресатом восклицания была, по-видимому, тетушка Эша. — *La Maison des Sorcières*¹. «Волшебная избушка». Вы околдовываете всех прохожих или только детей?

Магали, изогнувшись, выглянула в узкий арочный свод дверного проема. За второй аркой, которая отделяла эту крошечную заднюю комнату от равно крошечного аванзала кондитерской, она мельком увидела статного широкоплечего мужчину с золотисто-каштановой шевелюрой. Его исполненный беспримерной значительности вид заставил ее оцепенеть. Ей так и представилось, что их маленькое кафе вот-вот лопнет, как стянутая обручами бочка, в которую упрятался такой гигант, одного пожатия плеч которого хватило бы, чтобы разорвать все стягивающие ее обручи.

Но великан на редкость прекрасно держался. Ничто вокруг него не могло подвергнуться никакой опасности, даже миниатюрное шоколадное веретено, так искусно подвешен-

¹ Здесь: «Ведьмин дом» (фр.).

ное в выставочном стенде, что могло уколоть в лоб любопытных посетителей, наклонившихся слишком близко.

Наконец-то у них в кафе человек, не нуждающийся в ее помощи! Она с усмешкой взглянула на черпачок, набирая в него порцию шоколадного напитка, и на секунду задумалась. Что же ей пожелать этому полному жизненных сил господину? «Пусть сбудутся твои самые удивительные мечты».

Вновь раздался нетерпеливый перезвон дверного серебряного глашатая. Вернувшаяся с прогулки тетушка Женевьева задержалась у входа, энергично стряхивая на крыльце дождевые капли с зонтика. И теперь уже двое людей недюжинного темперамента и внешнего вида заполнили собой маленькое кондитерское заведение, и на мгновение Магали почувствовала себя зефиром под слоновьей тушей.

— Нет, простите, мне пока ничего не надо, — сообщил приятный мужской голос. — Я просто заглянул на минутку. Обещаю, что в следующий раз, зайдя к вам, — он рассмеялся, и Магали опять задрожала от странного трепетного удовольствия, — я задержусь здесь подольше и позволю вам околдовать меня.

И опять прозвонил серебряный колокольчик, на сей раз как-то уныло. Магали вынырнула из укрытия проводить взглядом того, кто ушел. Сквозь переплетенные ветви шоколадных деревьев в витрине она поймала заинтересованный взгляд синих глаз. Гость смотрел на нее. Хотя она глядела на него в упор, весельчак, вероятно, не мог видеть ее, скрытую в тени арки. Дождь поливал его капельным водопадом, и он, встряхнув головой, как лев гривой, сказал что-то стоявшему рядом с ним спутнику в деловом костюме. А потом удалился широким уверенным шагом.

Тетушка Женевьева, повернувшись всем корпусом и с явным интересом приподняв брови, проводила его долгим взглядом. Взметнувшиеся полы восточного кафтана еще больше подчеркнули ее властную шестифутовую статью.

Магали ретировалась на кухню, испытывая непонятное ей облегчение. Она не понимала, что такое с ней едва не произошло, но мысленно возблагодарила Бога. Рассеянно взяв чашку шоколада, налитого для весельчака с львиной

гровкой, она обняла ее ладонями и сделала глоток ароматного напитка.

Его тепло согрело ее до самого сердца.

— Пожалуй, мне следовало предложить ему зонт, — как в тумане пробормотала она.

Один из тех многочисленных зонтиков, что забывали забрать со стойки принцессы, если к их уходу погода решительно менялась в лучшую сторону.

— Если тебе захотелось вручить что-то тому мужчине, то лучше считать это подарком, потому что понравившуюся вещь он и не подумает возвращать, — заметила тетушка Женевьева, просовывая кончик зонта в арочный проем кухни.

Даже в сложенном виде зонт дотянулся до плеча Магали. Женевьева была кровной родственницей Магали, родной тетушкой — сестрой ее матери, — но никто не догадался бы об этом, взглянув на разницу в их размерах.

— В любом случае таким роскошным котам, как он, иногда полезно помокнуть, — проворчала Женевьева.

